

КНИГА ПЕРВАЯ

I. (1) Как ты, Брут¹, прекрасно знаешь, много еще есть в философии вещей, до сих пор не получивших достаточного объяснения, а в особенности трудным и темным является вопрос о природе богов², вопрос, который в высшей степени и для познания духа важен, и для устроения религии необходим. По этому вопросу учеными мужами были высказаны столь различные и столь противоречивые мнения, что это уже само по себе должно служить сильным аргументом в пользу того мнения, что причиной и началом философии должно быть незнание³. И мудро поступают академики⁴, которые воздерживаются выражать одобрение вещам сомнительным. Ведь что может быть постыднее недомыслия? Что безрассуднее? Что недостойнее твердости и постоянства мудрого мужа, чем придерживаться ложного или, ничуть не сомневаясь, защищать то, что недостаточно исследовано и продумано?

(2) Так и в этом вопросе. Большинство думает, что боги существуют, — это ведь и правдоподобнее, и сама природа всех нас к этому приводит⁵. Однако Протагор⁶ сомневался, а Диагор Мелосский⁷ и Феодор из Кирепы⁸ считали, что вовсе нет никаких богов. А те, которые признавали существование богов, настолько расходятся в суждениях, что все их мнения даже трудно перечислить. Многие говорят и о наружности богов, и об их местопребывании, и образе жизни, и обо всем этом между философами величайшее разногласие в спорах. Главное же в этом вопросе: живут ли боги

в полном бездействии, ни во что не вмешиваясь, совсем не заботясь о мире и об управлении им, или, напротив, они с самого начала и все сотворили, и установили, в всем в мире до бесконечного времени (*ad infinitum tempus*) управляют, и все приводят в движение. Вот о чем особенно велико расхождение во мнениях; и если все это не рассудить, то неизбежно пребывать людям в крайнем заблуждении и невежестве относительно вещей наиважнейших.

II. (3) Есть и были ранее философы⁹, которые считают, что боги совершенно не пекутся о человеческих делах. Если их мнение истинно, то какое может быть благочестие (*pietas*)? Какая набожность (*sanctitas*)? Какая религия (*religio*)? Ибо все то, что должно быть чисто и свято воздаваемо богам, имеет смысл, если только они замечают это и если есть роду человеческому от бессмертных богов некое воздаяние. Если же боги и не могут нам помочь, и не хотят, и совсем не пекутся о нас, и не обращают внимания на то, что мы делаем, и если с их стороны не может быть никакого влияния на жизнь человеческую, то для чего нам воздавать бессмертным богам какое-то поклонение (*cultus*), почести, обращаться к ним с молитвами?

Как другие добродетели, так и благочестие не может состоять только во внешних лицемерных проявлениях. А если не будет благочестия, то вместе с тем неизбежно исчезнут и набожность, и религия. Если же и эти исчезнут, то последует великий переворот всей жизни и великое смятение (4), и, пожалуй, с исчезновением благочестия к богам не устранится ли также вера (*fides*) в человеческое сообщество (*societas generis humani*), и самая совершенная из всех добродетелей — справедливость (*iustitia*)?

Есть и иные философы¹⁰, и притом великие и благородные, которые полагают, что весь мир умом и рас­судком (*mente et ratione*) богов руководится и управля-

ется, и что, мало того, жизнь людей также богами предвидится и опекается. Ибо эти философы считают, что и плоды земные, и остальное, что земля порождает, и изменения погоды, и смену времен года, и перемены в небе, от которых зависит рост и созревание того, что родит земля, — все это бессмертные боги производят для рода человеческого. И они (о чем будет еще сказано в этих моих книгах) приводят в качестве доводов много такого, что порой кажется, будто боги бессмертные все устроили [намеренно] на потребу людям. Но Карнеад¹¹ выдвинул против этих философов столь многое, что во всяком человеке неленивого ума возбудил желание отыскать истину (5), ибо это такой вопрос, по которому расходятся во мнениях не только неученые люди, но также и ученые. Мнения же эти столь различны и столь противоречивы, что, весьма возможно, все они ложны, верным же, конечно, может быть не более одного.

III. Обсуждая этот вопрос, мы можем и доброжелательных критиков успокоить, и злобных порицателей опровергнуть, так что одни пожалеют, что напали на меня, а другие порадуются, что научились. Ведь тех, кто по-дружески делится своими сомнениями, нужно учить; тех же, кто враждебно нападает на нас, следует отражать (6). Знаю я, что о моих книгах, которые я выпустил в большом числе за короткое время, было много разговоров и были различные суждения. Одни удивляются, откуда у меня возникло такое рвение к философствованию (*philosophandi studium*), другие хотят знать мое мнение по тому или иному предмету; а многим кажется удивительным, что я отдаю предпочтение той философии, которая-де отнимает свет и как бы окутывает вещи некой тьмой, и почему я неожиданно взял под покровительство давно уже брошенное и оставленное учение¹². Однако вовсе не внезапно я стал заниматься философией, и не мало затратил я труда и забот на нее со времен

ранней юности, а более всего тогда, когда казалось, что я совсем мало занимаюсь философией. О чем свидетельствуют и речи мои, изобилующие высказываниями философов, и близкие отношения с учеными людьми, чем всегда славился дом наш, и то, что я обучался у известнейших [учителей]: Диодота¹³, Филона¹⁴, Антиоха¹⁵, Посидония¹⁶ (7). А поскольку все философские предписания применимы к жизни, то, полагаю, я и в общественных, и в частных делах поступал так, как предписывают рассудок (ratio) и наука (doctrina).

IV. Если же кто спросит, что побудило меня так поздно взяться за письменное изложение всего этого, то нет ничего легче, чем дать на это ответ. Когда меня утомила бездеятельность, а состояние республики было таким, что ею по необходимости должен был управлять и о ней заботиться только один человек¹⁷, то решил я, во-первых, что ради самой республики следует изложить нашим людям философию, ибо я полагал, что важно и для украшения, и для славы нашего государства, чтобы столь важные и славные вещи были изложены также и на латинском языке (8). И ничуть я не жалею о затраченном труде, потому что вижу, что мой пример возбудил во многих желание не только изучать, но и самим писать [о философии]. Ведь очень многие римляне, изучившие греческие науки, не могли передать усвоенные ими знания своим согражданам по той именно причине, что не верили, будто воспринятое ими от греков можно изложить на латинском языке. Я же в этой области, как мне кажется, настолько продвинулся, что не уступлю грекам даже в богатстве слов.

(9) Побудила меня также обратиться к этим занятиям душевная скорбь¹⁸, вследствие великого и тяжкого удара судьбы. Если бы я мог найти большее утешение от какого-нибудь другого занятия, я предпочел бы прибегнуть к нему, [а не к философии]. А тем средством, к которому я прибегнул, я не мог воспользоваться лучше, чем отдав-

шись не только чтению книг, но также изучению всей философии. А все ее разделы и все части легче всего узнать, если эти вопросы изложить письменно, ведь во всем этом есть удивительная последовательность, так что одно кажется связанным с другим в одну цепь, звенья которой между собой соединены и переплетены.

V. (10) Но те, которые спрашивают, что я сам думаю о том или ином предмете, проявляют любопытства больше, чем следует. Ведь при обсуждении следует, конечно, больше придавать значения силе доказательств, чем авторитету. Так что, по большей части, желающим научиться авторитет учителя приносит даже вред, потому что они перестают сами рассуждать и считают бесспорными только суждения того лица, которого они почитают. Я не одобряю того, что известно о пифагорейцах, которые, когда что-то утверждают при обсуждении, и при этом у них спросишь: «Почему так?» — обычно отвечают: «Сам сказал!» «Сам» — это значит — Пифагор¹⁹. Столь великой оказалась сила предвзятого мнения, что авторитет стал действовать даже без доказательств.

(11) А тем, которых удивляет, почему я предпочел стать последователем этого учения [академиков], я, кажется, достаточно ответил в четырех моих книгах об этой школе²⁰. И вовсе я не принял под свое покровительство школу, покинутую и оставленную. Ибо со смертью людей не погибают также и их мнения, им, может быть, только не достает [того] сияния, [которое исходило от их] авторов. Так обстоит дело и с методом (ratio) этой школы в философии — все оспаривать и ни о чем не высказывать определенного мнения.

Этот метод получил свое начало от Сократа²¹, был возобновлен Аркесилаем²², подкреплен Карнеадом и дожил до наших дней, хотя я признаю, что в самой Греции он почти осиротел. Но я полагаю, что это произошло не по вине Академии, а от тупости людей. Ибо, если великое дело — усвоить отдельные учения, то на-

сколько же большее — изучить все! А это необходимо сделать тем, которые ради отыскания истины поставили себе целью выступать и против всех философов, и за всех (12). Я не утверждаю, что многого достиг в этом столь важном и столь трудном деле, но что я к этому стремился — признаюсь. Впрочем, и не может быть, чтобы придерживающиеся этого метода в философии не имели ничего, чему бы следовали. Об этом я говорил в другом месте более обстоятельно²³, но так как некоторые люди слишком непонятливы и забывчивы, то им, видимо, нужно чаще напоминать. Мы не из тех, которым кажется, что нет ничего истинного, но из тех, которые утверждают, что ко всему истинному присоединено нечто ложное, и притом настолько подобное истинному²⁴, что нет никакого признака для правильного суждения и принятия. Из чего также следует, что есть много вероятного, такого, что хотя и не схватывается умом, но, поскольку выглядит и выразительным, и ясным, может руководить жизнью мудрого человека.

VI. (13) Но пора уже мне, чтобы избавиться от всякого злословия, общедоступно изложить мнения философов о природе богов, как бы созвав их всех вместе, чтобы они сами рассудили, какое из их мнений верное. Вот тогда уже Академия будет в моих глазах выглядеть упрямой, если окажется, что либо все философы сойдутся на одном мнении, либо найдется из них кто-то один, который откроет, что истинно. Итак, я могу воскликнуть наподобие того [влюбленного] в «Синэфехах»²⁵:

«О бессмертные боги, о граждане все, о все юноши,
К вам о защите взываю, кричу, молю, требую»,

но не о таком пустяке, на который тот жаловался, что, мол, поистине «творятся в государстве беззакония»:

«Распутница от милого дружка не хочет денег взять...»,

(14) а чтобы философы, собравшись вместе, рассмотрели бы и обсудили, что должно думать о религии, благочестии, набожности, обрядах, вере, клятве, что о храмах, святилищах, торжественных жертвоприношениях, что о самих ауспигиях, которыми я теперь руковожу²⁶, — ведь все это также относится к вопросу о бессмертных богах. И наверно, разногласия по этому важнейшему вопросу между учеными людьми заставят усомниться даже тех, которые считают себя знающими об этом что-нибудь достоверное.

(15) Я часто наблюдал подобное, и в особенности однажды, когда у друга моего Г. Котты²⁷ состоялось очень обстоятельное и подробное обсуждение этого вопроса — о бессмертных богах. Это было во время Латинских праздников²⁸. Я пришел к нему по его просьбе и приглашению и застал его сидящим в гостиной (exedra) и беседующим с сенатором Г. Веллеем²⁹, которого в то время эпикурейцы ставили на первое место [среди своих]. Там был также Кв. Луцилий Бальб³⁰, сделавший такие успехи в стоической философии, что его сравнивали с самыми знаменитыми греческими стоиками. Увидев меня, Котта говорит: «Ты пришел очень кстати. У меня как раз началась беседа с Веллеем по очень важному вопросу, при которой тебе с твоей склонностью [к подобного рода обсуждениям] будет совсем не лишним присутствовать».

VII. (16) «И мне, — ответил я, — тоже кажется, что я пришел, как ты говоришь, кстати. Потому, что здесь сошлись вы — три главы трех главных школ [в философии]³¹. И если бы здесь еще присутствовал М. Пизон³², то ни одна философская школа, из тех, по крайней мере, которые сейчас в почете, не осталась бы без своего представителя». На это Котта возразил: «Если книга нашего Антиоха³³, которую он недавно прислал Бальбу, говорит правду, то у тебя нет никакого основания сожалеть об отсутствии твоего друга Пизона, потому что, по мнению

Антиоха, стоики с перипатетиками³⁴ по существу согласны, а расходятся только в словах. Хотел бы я знать, что ты, Бальб, думаешь об этом сочинении?» «Что я думаю? — ответил тот, — я удивлен, что Антиох, человек весьма пронизательного ума, не заметил большой разницы между стоиками, которые различают между нравственно достойным (*honesta*) и удобным (*commoda*) не по названию только, а по роду (*non nomine, sed genere*), и перипатетиками, смешивающими нравственное с удобным, так что они различаются по величине и как бы по степеням, но не по роду. А это ведь не маленькое разногласие, в словах, а весьма большое, по существу. (17) Но об этом в другой раз, а сейчас, если угодно, мы вернемся к тому, с чего мы начали обсуждение».

«И я так думаю, — сказал Котта и, взглянув на меня, добавил: — А чтобы он, пришедший позже, не остался в неведении, о чем идет речь, — скажу: о природе богов. Этот вопрос мне всегда казался и кажется чрезвычайно темным, и мне хотелось узнать от Веллея, какого мнения об этом Эпикур. Поэтому, Веллей, если тебе не трудно, повтори, с чего ты начал». «Я повторю, хотя он пришел помощником не мне, а тебе, — сказал, улыбаясь, Веллей. — Ведь вы оба учились у того же Филона ничего не зная». «Чему мы учились, — заметил я, — это пусть покажет Котта. Я же хотел бы, чтобы ты считал меня не помощником ему, а слушателем³⁵, и притом беспристрастным, который может свободно решать и не связан необходимостью волей-неволей присоединяться к какому-то определенному мнению».

VIII. (18) Тогда Веллей³⁶ очень самоуверенно, по обыкновению этих людей³⁷, более всего, видимо, опасаясь как бы не подумали, будто он в чем-то сомневается, и с таким видом, словно он только что покинул собрание богов и спустился из эпикуровых междумирий³⁸, сказал: «Выслушайте же не пустые, ложные мнения, не о платоновом боге из «Тимея»³⁹, мастеровом, строителе

вселенной, не о вещи старухе стоиков *πρόνοια*⁴⁰, которую можно на латинском назвать *providentia* («провидение»), и не о самом мире, [будто бы] наделенном душой и чувствами, — шаровидном, плавающим, вращающемся боге⁴¹ — диковинных вымыслах бредящих, а не здравомыслящих философов. (19) Ибо какими глазами смог увидеть ваш Платон мастерство бога в столь великом деле? Какова была подготовка к этому делу сооружения вселенной? Какими орудиями бог пользовался? Какими рычагами? Какие применял машины? Кто были богу помощниками в столь великом сооружении? Каким образом могли слушаться и повиноваться воле зодчего воздух, огонь, вода, земля? И откуда произошли те пять форм⁴² (*formae*), из которых образовалось все остальное, которые, удачно сочетаясь, производят душу и порождают ощущения? Долго бы пришлось говорить об этих вещах, более похожих на желаемое, чем на открытое разумом. (20) Но вот что у Платона заслуживает наградного венка: он, утверждавший будто вселенная не только возникла, но почти сделана рукой, говорит также, что она, эта вселенная, будет существовать вечно!⁴³ Можно ли видеть в нем человека, который, как говорится, хотя бы чуть-чуть отхлебнул от естествознания (*phugiologia*)⁴⁴, если он утверждает, что нечто, однажды родившееся, может быть вечным? Есть ли такое соединение, которое никогда не распадается? Или разве есть что-нибудь, имеющее некое начало, но не имеющее никакого конца? Если ваша Проноя, Луцилий, такова же, как бог Платона, то я задаю тебе те же вопросы, какие только что задавал: о помощниках, машинах, об организации и подготовке всего этого великого дела. Если же Проноя нечто иное, то почему она создала мир смертным (*mortalem*), а не вечным, каким его сделал бог Платона?⁴⁵

IX. (21) Наконец, от обоих вас я хотел бы узнать, почему создатели мира внезапно проснулись, после

того как проспали бесчисленные века? Ведь если не было никакого мира, века-то были? Я сейчас говорю не о тех веках, которые состоят из дней, ночей, годов, ибо сознаю, что всего этого без круговращения мира быть и не могло. Но существовала же с бесконечного времени некая вечность, которая никакими единицами времени не измерялась, а какова она была длительностью, можно себе представить⁴⁶, потому что и в сознание не вмещается, что было какое-то время, когда никакого времени не было. (22) Вот я и спрашиваю тебя, Бальб, почему ваша Проноя в течение этого огромного промежутка времени медлила? Труда избежала? Но к божеству ведь это не относится. Какой труд, если все стихии повиновались божеству — небо, огонь, земля, моря? И что могло возбудить в боге, словно в эдиле⁴⁷, столь сильное желание украсить вселенную звездами и светилами? Если для того, чтобы ему самому стало уютнее жить, то до этого он, видимо, в течение бесконечного времени жил в потемках, точно в лачуге какой-то. А после, надо полагать, бог стал радоваться той перемене, какая наступила на небе и на земле, украшенных так, как мы их сейчас видим? Но какая это могла быть радость для бога? А если была, то ведь не может быть, чтобы он был лишен ее столь долгое время. (23) Или, как вы обычно говорите, бог все это устроил ради людей⁴⁸? Ради мудрецов? В таком случае он затратил столь много усилий для [весьма] малого числа людей. Или для глупцов? Но, во-первых, не было у бога оснований оказывать добрую услугу недостойным людям. Затем, чего же он этим достиг, если все глупцы, без сомнения, несчастнейшие люди больше всего оттого, что они глупы, ибо что можно считать более достойным сожаления, чем глупость? И потом, есть так много бедствий в жизни, которые все же мудрому легче переносить, потому что он умеет разумно уравновесить их благами жизни, глупцы же не могут

ни уклониться от будущих бедствий, ни переносить уже наступившие.

X. Те же, которые утверждали, что сам мир одушевлен и разумен, никак не могли представить себе, какую форму может принять природа разумного духа (*animi natura intelligentis*). Об этом я еще буду говорить немного позже, (24) а сейчас только выражу удивление тупоумию этих людей, которые утверждают, что существо одушевленное, бессмертное и вместе с тем блаженное должно иметь форму шара⁴⁹, и только потому, что, как утверждает Платон, нет этой формы прекраснее. А мне, например, кажется красивее цилиндр, или куб, или конус, или пирамида. А какой образ жизни приписывают этому шарообразному богу? Он вечно вращается и притом с такой скоростью, равную которой и представить себе невозможно. Не вижу, как с этим может сочетаться твердый разум и блаженство⁵⁰. Почему то, что, даже незначительно воздействуя на наше тело, как, например, холод или солнечный жар, воспринимается как неприятное, не должно считаться неприятным также для бога? А земля, конечно, поскольку она является частью вселенной, есть также часть бога. Между тем на земле, как мы знаем, есть огромные области необитаемые и невозделанные, потому что одни из них иссохли вследствие близости к солнцу от жары, а другие окоченели под снегом и инеем из-за того, что солнце далеко от них. Но если вселенная — бог, то выходит, что у бога часть членов раскаленные, а часть — окоченела от холода?

(25) Вот, Луцилий, каковы ваши! Что касается взглядов других, то я обращусь к первому из прежних философов. Фалес Милетский, который первый исследовал эти вопросы, объявил, что начало всех вещей — вода. А бог — это тот ум (*mens*), который из воды все образовал. Но если боги могут быть без чувства и разума, то зачем Фалес присоединил к воде ум, а к уму воду, если